

ГЕРОИ-МСТИТЕЛИ: 40 ЛЕТ СПУСТЯ

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
berezkin1@gmail.com

Аннотация: Мотив мести героев за смерть одного из родителей — один из самых популярных в Новом Свете. Основанных на нем нарративов нет только в Арктике (у большинства эскимосов) и в Субарктике (у атапасков). На остальной территории Северной и Южной Америки варианты с мстеством за смерть отца и за смерть матери имеют примерно одинаковое распространение. В большинстве американских повествований о мстителях действуют братья-близнецы. Для нарративов о мести за смерть матери, прежде всего южноамериканских, это особенно характерно. В Старом Свете тексты с мотивом мести за смерть отца известны не повсеместно, но распределены достаточно равномерно; сын-мститель чаще всего одинок. «Месть за смерть матери» в Евразии встречается только в Тибете и на востоке Индонезии и лишь в варианте с условным обозначением «Олениха и медведица». Южноамериканская версия «Мстителей» со сложной фабулой отсутствует севернее Гватемалы и сформировалась после заселения Нового Света. Две основные североамериканские версии в Старом Свете имеют сепаратные параллели. Для запада США типична «Олениха и медведица» с ближайшими соответствиями в Восточной Индонезии. К востоку от Кордильер распространены тексты с мотивом «Выброшенный и домашний», имеющие параллели в Сибири и Восточной Европе. Эти версии были принесены в Новый Свет разными потоками мигрантов. Характерное для Америки преобладание женского варианта «Мстителей» и братьев-близнецов в роли героев должно отражать состояние евразийских устных традиций в эпоху заселения Нового Света. Как индейские нарративы о мстителях, так и евразийская волшебная сказка повествуют о приключениях, а среди эпизодов, которые они содержат, есть одинаковые. Поскольку в Новом Свете такие эпизоды встречаются не беспорядочно, а сконцентрированы на Равнинах, их независимое возникновение в Америке маловероятно. Это означает, что 15 тыс. л.н. приключенческие повествования уже появились.

Ключевые слова: сравнительная мифология, заселение Америки, волшебная сказка, большие данные в гуманитарных науках.

Благодарности: Статья написана в рамках темы НИР «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)».

Для ссылки: Березкин Ю. Герои-мстители: 40 лет спустя // Антропологический форум. 2025. № 66. С. 204–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-204-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/berezkin.pdf>

THE VENGEFUL HEROES, FORTY YEARS LATER

Yuri Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
berezkin1@gmail.com

Abstract: The motive of heroes' revenge for the death of one of their parents is one of the most popular in the New World. Narratives based on it are absent only in the Arctic (among most of the Eskimos) and in the Subarctic (among the Athapaskans). In the rest of North and South America, the variants with revenge for the death of the father and the death of the mother are approximately equally widespread. In most of narratives recorded in the New World, the heroes are twin brothers, which is especially typical for stories that describe the death of the heroes' mother and most of all for the South American variants. In the Old World, texts with the motive of revenge for the death of the father are quite rare but distributed fairly evenly; the son-avenger is most often alone. "Revenge for the death of a mother" in Eurasia is found only in Tibet and in eastern Indonesia in the variant that I called "The Doe and She-Bear". The South American version of "The Vengeful Heroes", with its complex plot, is absent north of Guatemala and emerged after the peopling of the New World. The two main North American versions have separate parallels in the Old World. For the western United States, "The Doe and She-Bear" is typical with its closest parallels in eastern Indonesia. East of the Rockies, "Lodge-boy and Thrown-away" is common, with parallels in Siberia and Eastern Europe. These two versions were brought to the New World by different groups of migrants. The predominance of the female version of "The Vengeful Heroes" and twin brothers as its protagonists, characteristic of America, must reflect the distinctive features of Eurasian oral traditions at the time of the peopling of the New World. Though the Amerindian avenger narratives can be called "myths" while most of the Eurasian ones are fairy tales, both are adventure stories and share many similar episodes. Since such episodes are not scattered in the New World randomly but are recorded first of all on the Plains, their independent origin in America is unlikely. It means that ca. 15,000 cal. B.P. the adventure stories in the Old World already existed.

Key words: comparative mythology, peopling of America, big data in humanities.

Acknowledgements: This article was written within the framework of the research project “Centers of the Ethno- and Culturogenesis and the Contact Zones in Eurasia and America in the Late Pleistocene and Holocene (physical anthropological, archaeological and ethnological data)”.

To cite: Berezkin Yu., ‘Geroi-mstiteli: 40 let spustya’ [The Vengeful Heroes, Forty Years Later], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 204–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-204-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/berezkin.pdf>

Юрий Березкин

Герои-мстители: 40 лет спустя

Мотив мести героев за смерть одного из родителей — один из самых популярных в Новом Свете. Основанных на нем нарративов нет только в Арктике (у большинства эскимосов) и в Субарктике (у атапасков). На остальной территории Северной и Южной Америки варианты с мстостью за смерть отца и за смерть матери имеют примерно одинаковое распространение. В большинстве американских повествований о мстителях действуют братья-близнецы. Для нарративов о мести за смерть матери, прежде всего южноамериканских, это особенно характерно. В Старом Свете тексты с мотивом мести за смерть отца известны не повсеместно, но распределены достаточно равномерно; сын-мститель чаще всего одинок. «Мсть за смерть матери» в Евразии встречается только в Тибете и на востоке Индонезии и лишь в варианте с условным обозначением «Олениха и медведица». Южноамериканская версия «Мстителей» со сложной фабулой отсутствует севернее Гватемалы и сформировалась после заселения Нового Света. Две основные североамериканские версии в Старом Свете имеют сепаратные параллели. Для запада США типична «Олениха и медведица» с ближайшими соответствиями в Восточной Индонезии. К востоку от Кордильер распространены тексты с мотивом «Выброшенный и домашний», имеющие параллели в Сибири и Восточной Европе. Эти версии были принесены в Новый Свет разными потоками мигрантов. Характерное для Америки преобладание женского варианта «Мстителей» и братьев-близнецов в роли героев должно отражать состояние евразийских устных традиций в эпоху заселения Нового Света. Как индейские нарративы о мстителях, так и евразийская волшебная сказка повествуют о приключениях, а среди эпизодов, которые они содержат, есть одинаковые. Поскольку в Новом Свете такие эпизоды встречаются не беспорядочно, а сконцентрированы на Равнинах, их независимое возникновение в Америке маловероятно. Это означает, что 15 тыс. л.н. приключенческие повествования уже появились.

Ключевые слова: сравнительная мифология, заселение Америки, волшебная сказка, большие данные в гуманитарных науках.

У истоков проблемы

В начале 1980-х были обобщены результаты обработки нескольких тысяч традиционных нарративов индейцев Южной и Центральной Америки, с которыми я к тому времени успел познакомиться [Березкин 1984]. Концепция эпизода как основной единицы репликации в повествовательном фольклоре еще не возникла. Было лишь очевидно, что индейские нарративы связаны сложной сетью фабульных параллелей. Многие из них выявил К. Леви-Строс, хотя цели, которые он преследовал, были мне безразличны настолько же, насколько великому интеллектуалу проблемы заселения Нового Света. Ничего другого, кроме «Морфологии сказки» В.Я. Проппа, под рукой не имелось — работ Ф. Боаса я еще не читал и мифологиями североамериканских индейцев заниматься не собирался¹. Что схема Проппа касается евразийской волшебной сказки, но не мифологической прозы, было понятно, а попытки

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
berezkin1@gmail.com

¹ О взглядах Ф. Боаса на традиционные повествования аборигенов Америки см.: [Березкин 2024: 10–11].

втиснуть нарративы индейцев и эскимосов в сказочное прокрустово ложе [Kleivan 1971; Powlison 1972; Baer, Hertle 1974] вызывали жалость. Вместе с тем в некоторых индейских повествованиях элементы пропповской схемы проглядывали, а если не пропповской, то какой-то другой, но тоже характерной для большого массива текстов, записанных среди множества этнических групп. Иногда казалось, что в Новом Свете могла бы возникнуть собственная волшебная сказка, отличная от евразийской с точки зрения типов персонажей и функций, но тоже отделившаяся от конкретной этнической основы.

В статье 1984 г., в которой были обобщены результаты раннего этапа продолжающейся до сих пор работы, персонажи южно- и мезоамериканских повествований с очевидной оглядкой на «Морфологию сказки» были соотнесены с пятью главными типами. Это герой старшего поколения (он гибнет или претерпевает тяжелый ущерб), герой (побеждает вредителя, а лучше сказать противника, или успешно от него убегает), вредитель (наносит ущерб герою старшего поколения, но сам гибнет от руки молодого героя или пытается его настигнуть), воспитатель (нередко связанный близким родством с вредителем и обитающий в одном с ним локусе) и, наконец, информатор (сообщает герою о судьбе родителей или о причиненном тому ущербе; часто это животное или птица, которых герой преследует на охоте). Фабулы повествований были соотнесены с 11 эпизодами, начиная с зачатия (обычно магического) главного действующего лица или лиц и заканчивая его или их уходом из мира людей. Подробности пересказывать нет необходимости, поскольку я давно отказался от взгляда на эту схему как на матрицу, которая определяет структуру текстов. По мере накопления материала спектр вариантов, стоящих за каждым идеальным персонажем и идеальным этапом развития действия, стал настолько широким, что субъективный момент в классификации вышел за границы разумного.

Хотя русское наименование «Герои-мстители» было придумано мною, с нарративами, о которых идет речь, был знаком еще П. Эренрайх [Ehrenreich 1905: 46–55]. Он первым заинтересовался поиском евразийских параллелей в мифах индейцев Южной Америки. Анализом рассматриваемого сюжета занимались известные в свое время американисты, включая Х. Тельо [Tello 1923: 108–150], П. Вильяр-Кордову [Villar Córdova 1933], А. Метро [Metraux 1932; 1946], Г. Кюне [Kühne 1955; 1967]. Его называли важнейшим мифом Гвианы и сопредельных стран [Goeje 1943: 97] и основным мифом верховьев Шингу [Carneiro 1989]. Однако все авторы заканчивали обзор в лучшем случае на «Пополь-Вух» гватемальских киче. Сама мысль о систематическом сопоставлении южно- и североамериканских устных

традиций до К. Леви-Строса выглядела, по-видимому, слишком смелой.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. я занимался археологией Южной Туркмении III–VI тыс. до н.э. и ранними сложными обществами, но в 1993 г., после встречи с Дж. Уилбертом, известным американским специалистом по фольклору индейцев Южной Америки, и в связи с проблематичностью продолжения среднеазиатских раскопок, вернулся к обработке текстов. На этот раз круг интересов охватил сперва Северную Америку, а затем и весь мир. Привлечение североамериканского материала сопровождалось важными наблюдениями. Во-первых, к северу от Рио-Гранде, главным образом на Равнинах, впервые встретились некоторые повествовательные эпизоды, знакомые с детства по русским сказкам (в Южной Америке таких эпизодов не было). Во-вторых, схема южноамериканских приключенческих повествований, героями которых нередко являются двое братьев, мстящих за гибель матери или отца, в Северной Америке не просматривалась. Великолепно представленная в традициях майя и особенно в «Пополь-Вух» и отрывочно в Центральной и Южной Мексике, в североамериканских традициях она перестала быть явно опознаваемой. Вместе с тем для отдельных эпизодов южноамериканских мифов о мстителях параллели встречались.

Напрашивался вывод, что уникальная, сложная и легко заметная в типичных случаях повествовательная структура сложилась в Южной Америке, тогда как в эпоху заселения Нового Света она еще не возникла. Отсюда отсутствие развернутых параллелей между северо- и южноамериканскими фабулами.

Мщение за отца и за мать: ареалы мотивов и персонажей

Сюжет, который первоначально казался своего рода южноамериканской заготовкой волшебной сказки, постепенно предстал в виде переплетающихся цепочек фабульных сцеплений, собственных отдельным ареалам и языковым группам. К северу от Мезоамерики такие цепочки обрываются не полностью, и отдельные параллели обнаруживаются не только в Северной Америке, но и в Старом Свете. Прежде всего это треугольник персонажей, состоящий из героя (героини) старшего поколения, молодого героя и противника. В евразийских волшебных сказках первый из этих персонажей в большинстве сюжетов отсутствует либо замаскирован — трагичность судьбы положительных героев противоречит законам данного жанра. Сказкам известна лишь фигура неудачника, принадлежащего к тому же поколению, что и герой. Однако сюжет, о котором идет речь, в Евразии встречается в несказочной прозе. Таковы история

Агамемнона, Клитемнестры, Эгисфа и Ореста, приуроченная к возвращению участников Троянской войны, и описанный Саксоном Грамматиком конфликт между королем Дании Хорвендилом, его братом Фенго и его сыном Амлетом [Саксон Грамматик 2017, I: 106–116], большинству знакомый по шекспировской обработке. На основе этой простой схемы еще до начала заселения Нового Света, по-видимому, возникли два фабульных варианта. Один повествует о мести героев за смерть отца либо группы мужчин из поколения отца (в нашем каталоге это мотив j4 [Березкин, Дувакин б.г.]), а другой описывает месть за смерть матери (мотив j4a)¹.

Выбор именно гендерного критерия для дифференциации вариантов выглядел перспективным ввиду того, что две предполагаемые модели вроде бы различались в отношении как ареалов распространения, так и набора участников. В большинстве повествований о мести за убийство матери ее осуществляют братья-близнецы, а в рассказах о мести за убийство отца молодой герой чаще действует в одиночку. Для развития действия безразлично, одинок ли герой или с ним его брат. Похоже поэтому, что два простейших мотива («герои-близнецы» и «убийство матери») сцеплены не в силу какой-то внутренней логики, а случайно, указывая на историческую связь между традициями. Это можно было предположить уже в ходе предварительного знакомства с материалами по Старому Свету и стало очевидным после включения в каталог десятков тысяч текстов по народам континентальной Евразии. Вместе с тем сам вопрос генезиса конкретных сюжетов в какой-то мере отошел на второй план, уступив место проблеме реконструкции сюжетно-мотивного состава евразийской мифологии в отдаленном прошлом.

Привлечение данных по Северной Америке и Евразии заставило переформулировать определение одного из мотивов, образующих фабульное ядро «мстителей».

Подавляющее большинство текстов с мотивом j4a, «Мель за смерть матери», вполне отвечает его выбранному названию. Заменять «мать» «женскими персонажами старшего поколения» нет нужды, поскольку мель за смерть не матери, а бабушки или сестры отца встречается лишь как редкое исключение. Чтo же касается мотива j4, то не все соответствующие нарративы пове-

¹ В статье невозможно сослаться на сотни использованных публикаций, но соответствующая информация есть в интернет-ресурсах. Текстовый каталог <<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>> либо <<https://www.areasofmyths.com>> содержит резюме текстов со ссылками на источники. Поиск надо вести по шифрам мотивов (A24, K47a и т.п.). Использование заглавных и строчных литер произвольно. Обновление раз в год в январе. На сайте <<http://mapsofmyths.com/>> (логин customer, пароль aether) размещены английские и русские определения мотивов и карты их распространения, обновление в режиме онлайн. В статье приводятся только названия и шифры мотивов.

ствуют о гибели только отца героя или героев. Такие тексты преобладают, однако иногда речь идет также и о братьях отца, а порой и об обоих родителях либо о гибели вообще всех старших родственников, хотя потеря мужчин обычно выглядит болезненней и заметней. Границы внутри гаммы подобных вариантов провести практически невозможно. Соответственно мотив j4 получил сейчас следующее определение: «Герои мстят за гибель (увод в рабство) отца, дядей, деда либо отца и матери или же в целом родственников по нисходящей линии, притом что потеря мужчин наиболее болезненна». Речь идет о личных отношениях между персонажами, а не об исчезновении недифференцированной массы людей в результате каких-то катастрофических событий.

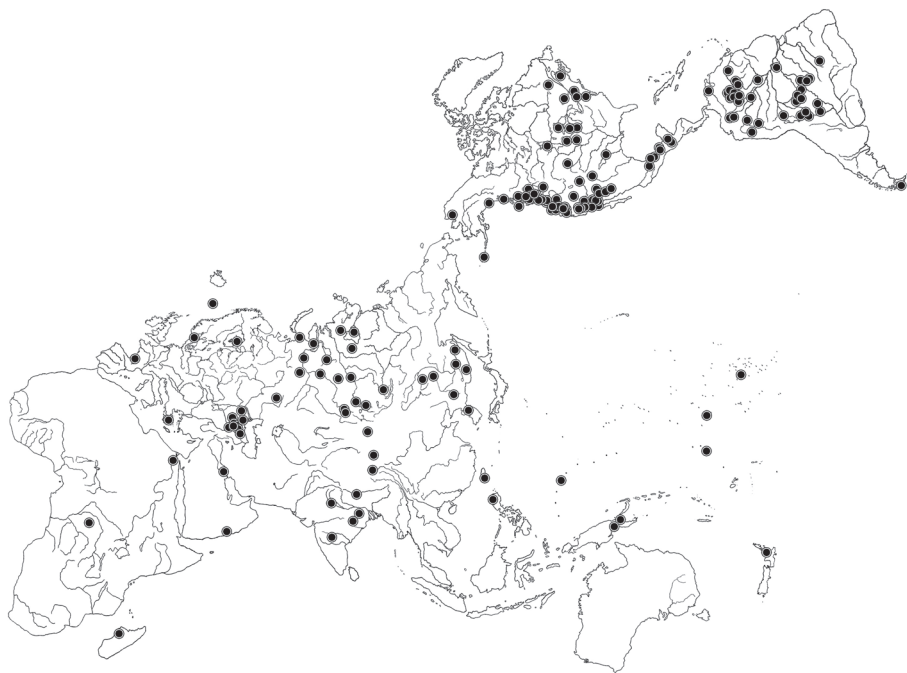
В Старом Свете мотив мести за убийство отца (и других родственников) распространен более или менее равномерно, но встречается относительно редко¹ (ил. 1). Среди 610 выделенных традиций он зафиксирован лишь в 59, причем только в четырех, т.е. в 7 % случаев (меланезийцы ведау, ногайцы, хакасы и прибайкальские буряты), герой действует не один, а вместе с братом-близнецом².

В Африке, не считая Древнего Египта (конфликт Осириса, Сета и Гора) и Мадагаскара, мотив мести за убийство отца обнаружен лишь в тексте, записанном среди конголезских монго. Тема мести сына за смерть отца там присутствует, но структурной основой длинного повествования не является. У аборигенов Австралии текстов с соответствующим мотивом, видимо, вовсе нет. Оговорка «видимо» вызвана тем, что устные традиции континента зафиксированы плохо, по большинству групп сведений нет или почти нет, да и не все публикации оказались доступны. Чаще всего (но тоже не повсеместно) мотив j4 представлен в Западной и Южной Сибири, на Кавказе, в Приамурье-Приморье и на северо-востоке Индии.

Женский вариант сюжета (мотив j4a) в Старом Свете распределен совершенно иначе, чем мужской (ил. 2). В большинстве регионов он отсутствует полностью. Лишь на Молукках (точнее на севере Хальмахеры, а также в районе залива Чендравасих на северо-востоке Новой Гвинеи) и в Тибете (включая Цинхай

¹ Учитываются только фольклор и ранние письменные памятники, но не произведения художественной литературы.

² Традиция — это совокупность текстов, записанных среди носителей определенного языка (диалекта) или в пределах определенной территории. По мере накопления данных этнически однородные, но распространенные на большой территории традиции делятся, а когда данных мало, в одну традицию бывают объединены материалы по нескольким этноязыковым группам. Поэтому приводимые цифры относительно числа традиций не вполне точно соответствуют числу, условно говоря, этносов, у которых тот или иной мотив зафиксирован, но поскольку это касается всех регионов, на статистических тенденциях вряд ли сказывается.

Ил. 1. Традиции с мотивом j4, «Мсть за смерть родственников-мужчин». Герои мстят за гибель (увод в рабство) отца, дядей, деда либо отца и матери или же в целом родственников по нисходящей линии, притом что потеря мужчин наиболее болезненна

и сопредельные районы Ганьсу) такие тексты обычны. Они относятся к особому варианту, рассмотренному в одной из предыдущих статей и условно названному «Олениха и медведица» [Березкин 2023]. Рассказывается о двух занимающихся собирательством женщинах, обычно ассоциируемых с определенными животными, одна из которых предательски убивает другую. Затем дети жертвы убивают детей убийцы и убегают, а убийца в ходе погони гибнет. Больше всего подобных текстов записано на западе США, причем между индонезийскими и некоторыми индейскими вариантами есть параллели, отсутствующие в других регионах (близнецы — не мальчики, а девочки; они узнают об убийстве матери, заметив в котле ее груди). Одно повествование на данный сюжет зафиксировано в Восточной Африке (календжин), где изредка (масаи, ираку) встречаются и другие варианты с мотивом j4a. Текст с мотивом j4a (не в варианте «Олениха и медведица») записан также у дамара Намибии. Этого недостаточно для доказательства африканского происхождения сюжета, и отношение африканских вариантов к остальным пока непонятно. Западносибирская параллель «Оленихе и медведице» касается только гибели одной женщины от руки другой; дочь жертвы не мстит убийце, а лишь спасается

Ил. 2. Традиции с мотивом j4a, «Мсть за смерть матери». Женщина убита. Ее дети (близнецы, один сын, реже несколько детей) вырастают и побеждают противников (редко: близнецы мстят за смерть сестры отца или бабушки).

1. Мстители — двое или несколько братьев (обычно близнецы), реже брат и сестра, две сестры. 2. Единственный сын мстит за смерть матери

бегством. В целом мотив j4a отмечен в 11 традициях Старого Света, причем в шести (55 %) героями являются близнецы.

Новый Свет дает иную картину. Во-первых, частота встречаемости «Мстителей» здесь намного выше (44 % из выделенных 415 традиций против 11 % из 610 в Старом Свете). Во-вторых, ареальное распределение мужского (j4) и женского (j4a) вариантов «Мстителей» сходно. Оба практически повсеместно представлены как в Северной Америке к югу от Субарктики, так и в Южной, включая Центральные Анды и Южный Конус. Лакуны в основном связаны с отсутствием данных. При этом на севере и северо-западе Северной Америки оба мотива неизвестны. Это типично также и для многих десятков других мотивов, зафиксированных у аборигенов Нового Света, и объяснимо в свете наших знаний о климатической и культурно-языковой истории континента [Berezkin 2019; Березкин 2024]. По одной фиксации мотивов j4 и j4a есть у эскимосов-инуитов на северо-западе Аляски, а «Мсть за убийство отца» встречается у алеутов, однако в фольклоре инуитов Гренландии и Канады, атапасков, а также палеоазиатов данные мотивы

отсутствуют. Ареальное распределение мужского и женского вариантов «Мстителей» в Новом Свете различается в основном тем, что в Центральной Америке мотив j4 представлен шире, чем j4a. Наличие обоих мотивов как в Северной, так и в Южной Америке — довод в пользу их проникновения в Новый Свет с самыми ранними группами палеоиндейцев. Почему это так, подробно объяснено в недавней статье [Березкин 2025]. Языковые предки эскимосов и на-дене проникли в Америку позже.

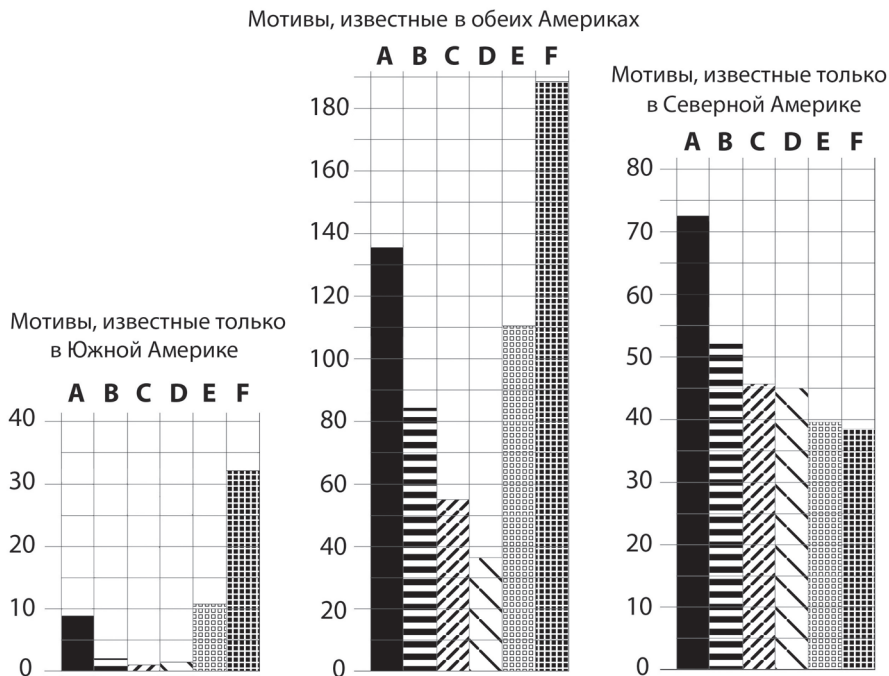
Помимо различий в частоте встречаемости и в ареальном распределении, для мотивов j4 и j4a в Старом и в Новом Свете показательно разное число осуществляющих месть героев.

Уже было сказано, что из 60 традиций Старого Света, в которых представлен мужской вариант «Мстителей» (мотив j4), братья-близнецы в роли молодых героев действуют лишь в четырех (7 %). Для женского варианта (мотив j4a) эта цифра значительно выше (45 %), хотя, возможно, непоказательна ввиду небольшой величины выборки (лишь 11 случаев). Из 60 североамериканских традиций, в которых есть мотив j4, в 27 молодых героев двое или больше (45 %), но при этом лишь в четырех (т.е. менее чем в 7 %) речь определенно идет о братьях-близнецах. В остальных вариантах это разновозрастные братья (иногда с сестрой) или просто группа юношей, которые иногда мстят за убийство не только отца одного из них, но и других мужчин. Последнее наиболее характерно для индейцев побережья Аляски и Британской Колумбии.

Повествования о мести за убийство отца есть в 39 традициях Южной и Центральной Америки, т.е. они встречаются здесь несколько реже, чем в Северной Америке (21 % всех традиций против 27 %). Однако доля традиций, в которых молодых героев двое или больше, в Южной Америке существенно выше (24 случая, 62 %). Братья-близнецы представлены в 14 традициях, что составляет 36 % против 7 % в Северной Америке.

Что касается женского варианта мотива j4a, то в Северной Америке он представлен почти в таком же числе традиций, что и j4 (61 против 60), но из них в 55 (90 %) героев двое или больше, а близнецы встречаются в 26 традициях (43 %). Это намного больше, чем в мужском варианте «Мстителей». В Южной Америке женский вариант преобладает (58 традиций против 39 с мотивом j4). Двое или несколько молодых героев представлены в 42 традициях (72 %), причем во всех случаях это братья-близнецы.

Таким образом, американские варианты отличаются от евразийских, во-первых, обилием повествований о мести за гибель

Ил. 3. Число параллелей индейским мотивам в отдельных регионах Старого Света.

Учены мотивы, которые как в соответствующих регионах, так и в Америке представлены не менее чем в двух традициях.

А. Юго-запад Евразии. В. Центральная Азия. С. Западная Сибирь.

Д. Восточная Сибирь. Е. Дальний Восток. Ф. Индо-тихоокеанская окраина Азии.

Слева от каждого графика указано число обнаруженных параллелей.

Палеоазиатские традиции северо-востока Сибири в выборку не включены

матери, а не отца и других мужчин, а во-вторых, намного более частой ассоциацией молодых мстителей с братьями-близнецами, причем в Южной Америке эта тенденция выражена сильнее, чем в Северной.

Здесь следует подчеркнуть, что и в других отношениях мифологии Южной Америки отличаются от континентально-евразийских сильнее, чем североамериканские. Если мотивы, известные только в Южной, но не в Северной Америке, находят параллели почти исключительно в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, а в сибирских традициях соответствий для них почти нет, то для чисто североамериканских мотивов аналогий в Сибири больше, чем в индо-тихоокеанском мире. Региональные связи мотивов, известных в обеих Америках, занимают промежуточное положение (ил. 3).

Предки индейцев не могли проникать в Новый Свет, минуя Сибирь. Если так, то в период между началом заселения Америки и формированием известной по этнографическим данным

этноязыковой карты набор фольклорных мотивов в Сибири изменился не меньше, чем генетические особенности населения региона. Смена генофонда популяций, обитавших восточнее Енисея и севернее Забайкалья, происходившая на протяжении 20–15 тыс. лет от ледникового максимума до среднего голоцена, имела кардинальный характер — от людей, похожих на европейцев того же времени, до выраженных монголоидов [Sikoga et al. 2019; Козинцев 2021: 123; Березкин 2022; Питулько 2022: 28, 181]. При этом наряду с индо-тихоокеанским компонентом, в Америке много мотивов, в позднее время зафиксированных в юго-западной половине Евразии, но не в Сибири. Этот факт объясним наличием бореального культурного и генетического континуума, существовавшего до эпохи ледникового максимума и затем постепенно распавшегося. По-видимому, в том культурном пространстве, из которого выделились предки американских индейцев, были смешаны элементы культуры, которые до недавних пор сохранялись, с одной стороны, в Индонезии и Океании, а с другой — в Европе.

Пути переноса в Америку вариантов сюжета о мести за смерть матери

Отметим еще одну особенность рассмотренных сюжетов. В ряде случаев герои и их противники оказываются членами одной семьи, связаны супружескими отношениями или близким родством. Подобные варианты известны как в Новом, так и в Старом Свете. Их встречаемость неодинакова, но различия не очень значительны. В Евразии и Океании подобных традиций 12, что составляет 18,5 % от 65, в которых зафиксирован мотив j1, объединяющий данные по j4 и j4a, а в Америке — 47, т.е. 25,5 % от 184 традиций с мотивом j1. Эти цифры, вероятно, занижены, так как в текстах с мотивом «Олениха и медведица» участники действия в любом случае являются членами одной хозяйственной ячейки, а связаны они родством / свойством или нет, не всегда ясно.

В волшебной сказке сюжет также часто строится вокруг отношений между близкими родственниками или свойственниками. Параллели в Америке для евразийской сказки не ограничиваются сюжетом «Мстителей», но включают также другие приключенческие эпизоды. Скорее всего, это значит, что формирование сказочных сюжетов происходило на основе более ранних нарративов. Подчеркну, что речь идет именно об эпизодах, а не об их цепочках, из которых состоят сюжеты волшебных сказок. Историческая обусловленность таких совпадений доказывается тем, что соответствия эпизодам евразийских сюжетов не рассеяны в Америке беспорядочно, а в основном сконцентрированы на Равнинах (ил. 4).

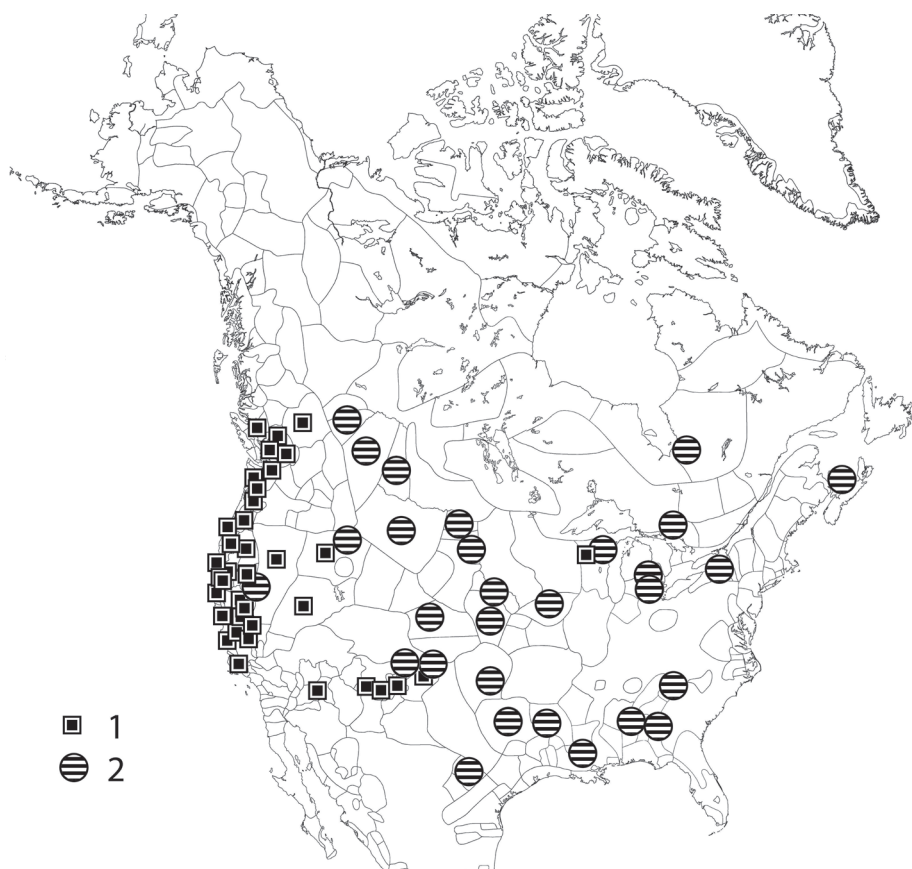

Ил. 4. Число мотивов (от одного до трех из семи), демонстрирующих параллели в Евразии и характерных для региона Равнин. «Опознать мужчину» (k37a), «Бегство из пещеры хозяина стад» (k64), «Богатыри с различными способностями» (k66), «Змей угрожает птенцам» (k38b), «Семеро звездных братьев» (b46), «Девушка в доме братьев» (k130a), «Созвездие Погребальных Носилок» (i126)

Рассмотрим этот вопрос подробнее в связи с мотивом «Выброшенный и домашний».

В начале статьи было сказано, что последовательность эпизодов, повествующих о мести героя, а чаще близнецов за убийство матери, в Южной Америке складывается в цикл о мстителях, имеющий сложную и относительно стабильную структуру. Самые типичные нарративы повествуют о том, как беременная женщина попадает в селение ягуаров. Те убивают и съедают ее, однако беззубая старуха-ягуариха оставляет себе вынутых из утробы младенцев. Они быстро вырастают и уничтожают ягуаров, заманив их на шаткий мост и обрушив его.

Что касается Северной Америки южнее Субарктики, то там различаются варианты, представленные к западу и востоку от

Ил. 5. Два варианта североамериканских повествований, включающих мотив мести за смерть матери (j4a). 1. На сюжет «Олениха и медведица». 2. С мотивом «Выброшенный и домашний», j27

континентального водораздела (ил. 5). Исключений почти нет. Известны лишь два примера использования восточного варианта к западу от Скалистых гор, но тоже на удалении от тихоокеанского побережья. Один текст записан у северных шошони Айдахо и еще один — у модок Южного Орегона. В последнем случае соответствующие эпизоды интегрированы в повествование на другой сюжет. На востоке образцовый западный вариант записан в Висконсине у меномини. Наряду со многими другими мотивами, он был, скорее всего, принесен на Средний Запад с Колумбийского плато предками алгонкинов где-то в IV — начале II тыс. до н.э. [Васильев и др. 2015: 411–426].

На западе Северной Америки месть за убийство матери лежит в основе сюжета «Олениха и медведица», о котором тоже говорилось. Для него есть параллели в Чако, но эти южноамериканские варианты повествуют о мести за смерть не матери, как это

обычно для Северной Америки, Индонезии и Тибета, а отца. В североамериканских текстах такие варианты редки. Из 32 традиций, в которых представлен данный сюжет, лишь в трех говорится о мести за смерть отца и еще в трех других отмечены оба варианта.

Другой сюжет, повествующий о гибели матери близнецов, записан в Северной Америке восточнее континентального водораздела. В нем рассказывается о двух братьях — «выброшенном» и «домашнем» (*Lodge-boy and Thrown away*). Персонаж нечеловеческой природы убивает женщину, вырывает из ее утробы детей, одного оставляет внутри жилища, а другого бросает в заросли или в реку. После возвращения выброшенного в мир людей братья борются с нечеловеческими существами. На юго-западе США у липан и тива женщина сама выбрасывает своих детей либо не мешает сделать это другим, но дальнейший рассказ продолжается согласно сценарию большинства североамериканских текстов. Тема мести в «Выброшенном и домашнем» хотя и не занимает главного места, как в «Оленихе и медведице» или же в южноамериканских «Героях-мстителях», но несомненно присутствует. Центральными эпизодами являются убийство женщины, выманивание из воды или из зарослей «выброшенного» брата и приключения братьев.

Этот сюжет тоже имеет параллели в Евразии, но не в Восточной Индонезии, где зафиксированы наиболее близкие аналогии для «Оленихи и медведицы», а от Приморья (орочи) до Восточной Европы. Соответствующие варианты и их отношение к североамериканским повествованиям уже были проанализированы [Березкин 2019]. В традициях к востоку от Урала сюжет представлен текстами неопределенной жанровой принадлежности («мифологическими сказками»), тогда как европейские варианты — в основном волшебными сказками на сюжет ATU 707 («Чудесные дети»). Эти тексты в той или иной мере близки «Сказке о царе Салтане», хотя Пушкин использовал не самый распространенный в Евразии, а более редкий вариант, характерный, в частности, для северных русских¹. Южнее линии, проходящей примерно от Померании к Северному Кавказу, некоторые мотивы, встречающиеся в Восточной Европе, и среди них «Выброшенный и домашний» (j27), в сказках типа 707 не используются.

В южно- и западноевропейских, кавказских и азиатских традициях подмененные животными и выброшенные чудесные

¹ Наименее понятно, откуда взят эпизод убийства коршуна, погнавшегося за Лебедью (наш мотив k73b7), происхождение которого М.К. Азадовский [Азадовский 1936] не определил. В псковской сказке [Плошук 2004: 104–195] этот мотив мог появиться вследствие обратного влияния литературного источника на устный фольклор, хотя мордовский и особенно литовский варианты выглядят оригинальными [Richter 1889: 356–358; Самородов 1972: 122–132].

дети — это обычно брат и сестра либо двое братьев с сестрой, причем данные мотивы (k73a7 и k73a8) сочетаются с нашим мотивом j62c «Сестра просит брата добыть невозможное». По наущению злой старухи брата, а затем нередко и сестра, отправляются добывать волшебные предметы, которые находятся в нечеловеческом мире. На севере Восточной Европы подобные варианты редки. Соответствующие эпизоды включают обычный западноевразийский набор эпизодов и образов, отличный от характерного для североамериканских повествований о деяниях близнецов. Тем не менее аналогии между Евразией и Америкой есть и здесь: в сказках типа 707 речь тоже идет о детях женщины, которая если и не убита, то резко понижена в статусе. Во многих случаях наложенное на нее наказание за мнимое рождение щенков представляет собой не что иное, как убийство, а возвращение женщины к мужу и детям в конце повествования есть, в сущности, ее воскрешение, причем никакой роли она после этого уже не играет. Индейские тексты о мстителях также нередко завершаются попыткой героев воскресить убитых родителей, что удастся лишь временно и частично (мотив j50).

Параллелей в античных или древневосточных письменных памятниках весь этот набор мотивов не имеет. Сюжет ATU 707 относится к числу наиболее популярных в юго-западной половине Евразии, но маловероятно, что он распространился здесь ранее периода темных веков середины I тыс. н.э. И поскольку параллели для него в несказочных нарративах уходят в Сибирь и далее в Северную Америку, но не в Центральную Азию и не в индо-тихоокеанскую окраину Евразии, можно предполагать его североевразийское происхождение.

Вырисовывается следующая картина. В начале статьи было высказано предположение, что южноамериканский «миф о героях-мстителях» сформировался после заселения Нового Света, поскольку он отсутствует не только в Евразии, но и в Северной Америке. Однако повествования с мотивами «Выброшенный и домашний» и «Олениха и медведица» находят в Старом Свете несомненные соответствия, причем эти аналогии сепаратные, локализованные в разных регионах. Следовательно, эти два североамериканских варианта должны были проникнуть в Америку по отдельности с разными группами мигрантов. Какими же?

Только что говорилось, что в Северной Америке «Олениха и медведица» с преобладающим для сюжета мотивом мести за смерть матери и «Выброшенный и домашний» представлены по разные стороны континентального водораздела (ил. 5). В одной из предыдущих статей было показано, что существует

корреляция между территорией фиксации мотива «Олениха и медведица» и распространением памятников «западной традиции черешковых наконечников» (Western Stemmed) [Березкин 2023]. Уже давно считается, что этот комплекс появился скорее раньше кловиса, нежели позже, хотя первоначально его относили в лучшем случае к самому концу плейстоцена [Beck, Jones 2010; Smith et al. 2020; Davis et al. 2022]¹. Ближайшие азиатские аналогии для Western Stemmed зафиксированы на Камчатке в слое VII стоянки Ушки [Kotlyakov et al. 2017: 275–277].

Ранние мигранты в Новый Свет должны были двигаться из Берингии не по долинам Юкона и Маккензи, а исключительно вдоль тихоокеанского побережья. Доводом в пользу такой реконструкции является открытие в Новом Свете докловисских памятников вплоть до примерно 15 тыс. л.н. В это время коридор между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами вряд ли был проходим [Heintzman et al. 2016; Prates et al. 2020; Steffen 2024]. Для финала же плейстоцена данные археологии свидетельствуют о миграции в обратном направлении — с основной территории США на Аляску [Васильев и др. 2015: 171–183]. Что же касается устных традиций, то картографирование многих десятков эпизодов и образов индейских повествований показывает их концентрацию на Колумбийском плато и юге северо-западного побережья. В ряде случаев цепочки фиксаций тянутся вдоль побережья к Аляске, а иногда и к Чукотке. Пример такого распределения дает мотив j4, с которого мы начали обзор данных (ил. 1). И наоборот, цепочек традиций с одинаковыми мотивами, которые бы тянулись с севера Равнин к Центральной Аляске, не обнаружено.

Такова ситуация для периода 15–12 тыс. л.н. — времени отступления ледников.

Однако к финалу плейстоцена природных препятствий для движения людей с Аляски в направлении Равнин больше не было. Именно такой маршрут переноса допустимо предполагать относительно группы приключенческих мотивов, которые к западу от Скалистых гор в Америке практически не встречаются, а в Старом Свете характерны для Западной и Центральной Евразии (ил. 4). «Выброшенный и домашний» в эту группу мотивов не входит, поскольку его евразийские фиксации встречаются, как уже говорилось, севернее — в Западной Сибири

¹ Кловис — распространившаяся во второй половине XII тыс. до н.э. в основном к востоку от Скалистых гор палеоиндейская традиция. Она просуществовала 700 лет, а после исчезновения мегафауны распалась на ряд культур. В разных источниках оценки возраста различаются на несколько столетий в зависимости от использованных радиоуглеродных дат. До открытия более древних памятников считалось, что кловис был создан первыми мигрантами в Новый Свет [Boulangier et al. 2015; Wei et al. 2018; Prufer et al. 2019; Waters et al. 2020].

и Восточной Европе. Однако география распространения этого мотива в Новом Свете (включая Альберту при отсутствии в Британской Колумбии и Вашингтоне) также делает вероятным его перенос из Берингии вглубь Северной Америки по внутриконтинентальным районам.

Закономерен вопрос: почему движение ранних палеоиндейцев с Аляски на юг вдоль тихоокеанского побережья оставило след в местных устных традициях, а предполагаемое движение более поздних мигрантов через Западную Субарктику — нет. Вероятное объяснение связано с особенностями расселения носителей языков на-дене, которые, по мнению подавляющего большинства специалистов, проникли в Америку позже палеоиндейцев. Один лишь Дж. Кэри, специалист по атапаским языкам, считает, что на-дене попали в Америку 13–14 тыс. л.н., но его никто не поддерживает¹. Исчезновение следов субстрата у атапасков объяснимо природными условиями северной тайги, где плотность популяций, ведущих присваивающее хозяйство, крайне низка, а подвижный образ жизни должен был приводить к снижению языкового и культурного разнообразия. Ясных археологических следов миграция на-дене не оставила, но средний голоцен выглядит наиболее правдоподобно [Berezkin 2019]. И напротив, ресурсы тихоокеанского побережья севера Северной Америки очень богаты, что способствовало оседлости, а следовательно, сохранению небольшими популяциями своих языковых и культурных традиций.

Выводы

Американские параллели для вариантов сюжетного типа 707 («Чудесные дети») указывают на былое распространение мотива j4a «Мсть за смерть матери» не только в небольших анклавах вроде Тибета и Молуккских островов, но и на обширной территории Северной Евразии. Сам этот сказочный сюжет есть по сути дела трансформация истории об убийстве женщины ее соперницей и о мести сопернице, осуществленной руками выживших детей убитой. Можно добавить, что мотив «Выброшенный и домашний» изредка встречается в Меланезии (сусуре, ведао, Маэво) и Полинезии (Мангарева). Хотя фабула текстов путаная и содержащиеся в них параллели сибирским и североамериканским вариантам не отличаются точностью, за концентрацией таких параллелей именно в данном регионе тоже должны стоять какие-то исторические причины, пока непонятные.

¹ Свою концепцию Кэри представил еще в начале обсуждения дене-енисейской гипотезы [Кару 2010] и не изменил до сих пор, как это стало ясно в ходе обсуждений на Первом евразийском конгрессе лингвистов в декабре 2024 г.

Если индейские мифологии сохранили особенности, которые в эпоху заселения Нового Света были характерны для значительной части Евразии (а иное истолкование данных, представленных на рисунке 3, не просматривается), то преобладание женского варианта «Мстителей», в котором героями являются близнецы, есть особенность, принесенная в Новый Свет 12–15 тыс. л.н. и сохранившаяся там благодаря его изоляции. В Старом Свете такой вариант сюжета почти исчез, в разной степени сохранившись лишь в отдельных, друг с другом не связанных ареалах.

Полтора века назад полученный результат был бы, видимо, истолкован как свидетельство пусть не «матриархата», но по крайней мере более высокой «матрицентричности» обществ на ранних этапах развития культуры по сравнению со временем, для которого имеются этнографические и этноисторические свидетельства. Хотя подобная дихотомия в принципе допустима, она указывала бы лишь на изменение наборов определенных культурных признаков в пределах определенных территорий Старого Света. Наличие универсальных и закономерных тенденций в эволюции мифологии из нее не следует, ибо у нас нет и не может быть повторных свидетельств аналогичного процесса.

Предполагая древние истоки некоторых сюжетов, мы не возвращаемся к идеям ранней фольклористики, которая была готова видеть в сказочных текстах следы утратившего значение мифа. Использование слова «миф» в отношении американских или палеоазиатских нарративов вообще лишено терминологической четкости, ибо в Новом Свете и на северо-востоке Сибири жанровая система отсутствовала как таковая. Судя по публикациям конца XIX — начала XX в., традиционные нарративы образовывали нерасчленимую совокупность, включавшую тексты как с космогоническими, так и с чисто приключенческими мотивами. Что выбор содержащихся в текстах этиологических объяснений случаен и в разных культурных ареалах неодинаков и что между повествовательными эпизодами нет логической связи, хорошо понимал Ф. Боас, знавший устные традиции индейцев лучше, чем кто-либо из его современников [Boas 1940: 470–471].

Если наличие приключенческих повествований в эпоху заселения Нового Света крайне вероятно, то в период выхода современного человека из Африки подобных текстов, видимо, еще не было. Все мотивы вероятного африканского происхождения связаны с этиологией явлений природы и режы культуры и с интерпретацией объектов окружающего мира. Если факт смертности человека стал предметом рефлексии еще на африканской прародине [Березкин 2021], то внимание к особенностям от-

ношений между людьми стало проявляться позже — после выхода из Африки, но еще до начала заселения Америки.

Благодарности

Статья написана в рамках темы НИР «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)». Благодарю Е.Н. Дувакина и Е.В. Коровину за постоянную помощь в работе.

Источники

Площук Г.И. Сказки Псковской области. Псков: ПГПИ, 2004. 620 с.

Саксон Грамматик. Деяния данов. М.: Русская панорама, 2017. Т. 1–2.

Самородов К.Т. Мордовские народные сказки. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1972. 416 с.

Библиография

Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 134–163.

Березкин Ю.Е. Мифы южноамериканских индейцев на сюжет обряда инициации // Путилов Б.Н. (ред.). Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 6–15.

Березкин Ю.Е. «Сказка о царе Салтане» (сюжет ATU 707) и евразийско-американские параллели // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 89–110. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-89-110.

Березкин Ю.Е. Африканское наследие в мифологии // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 91–114. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-91-114.

Березкин Ю.Е. Культурный континуум бореальной зоны Евразии и восточносибирский клин (по данным сравнительной мифологии и палеогенетики) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 28–40.

Березкин Ю.Е. Олениха и медведица: малоизвестный фольклорный сюжет // Шаги / Steps. 2023. Т. 9. № 3. С. 12–29.

Березкин Ю.Е. Палеоиндейский, восточноазиатский и сибирский компоненты арктических устных традиций // Camera praehistorica. 2024. № 2 (13). С. 8–23.

Березкин Ю.Е. Северо-западное побережье Северной Америки как основной путь из Берингии в Новый Свет // Археология, этнография и антропология Евразии. 2025. Т. 53. № 2. С. 115–125.

Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>>.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табаров А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 679 с.

- Козинцев А.Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) // Археология, этнология и антропология Евразии. 2021. № 4 (32). С. 143–157.
- Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем плейстоцене — раннем голоцене: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022.
- Baer G., Hertle G. Zwei Matsigenka-Mythen, Versuch einer Analyse // *Ethnologische Zeitschrift*. 1974. Bd. 1. S. 33–75.
- Beck C., Jones G.T. Clovis and Western Stemmed: Population Migration and the Meeting of Two Technologies in the Intermountain West // *American Antiquity*. 2010. Vol. 75. No. 1. P. 81–116. doi: 10.7183/0002-7316.75.1.81.
- Berezkin Yu. Athabaskan — Siberian Folklore Links: In Search of Na-Dene Origins // *Folklore (London)*. 2019. Vol. 130. No. 1. P. 31–47. doi: 10.1080/0015587X.2018.1515208.
- Boas F. *Race, Language, and Culture*. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 1940. 647 p.
- Boulanger M.T., Buchanan B., O'Brien M.J., Redmond B.G., Glascock M.D., Eren M.I. Neutron Activation Analysis of 12,900-year-old Stone Artifacts Confirms 450–510+ km Clovis Tool-stone Acquisition at Paleo Crossing (33ME274), Northeast Ohio, U.S.A. // *Journal of Archaeological Science*. 2015. Vol. 53. P. 550–558. doi: 10.1016/j.jas.2014.11.005.
- Carneiro R.L. To the Village of the Jaguars: The Master Myth of the Upper Xingu // *Antropológica (Caracas)*. 1989. Vol. 72. P. 3–40.
- Davis L.G., Madsen D.B., Sisson D.A., Valdivia-Becerra L., Higham T., Stueber D., Bean D.W., Nyers A.J., Carroll A., Ryder C., Sponheimer M., Izuho M., Iizuka F., Li G., Epps C.W., Halford F.K. Dating of a Large Tool Assemblage at the Cooper's Ferry Site (Idaho, USA) to ~15,785 cal yr B.P. Extends the Age of Stemmed Points in the America // *Science Advances*. 2022. Vol. 8. No. 51. doi: 10.1126/sciadv.ade1248.
- Ehrenreich P. *Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt*. Berlin: von Asker, 1905. 107 S.
- Goeje C.H. de. *Philosophy, Initiation and Myths of the Indians of Guiana and Adjacent Countries*. Leiden: Brill, 1943. 136 p.
- Heintzman P.D., Froese D., Ives J.W., Soares A., Zazula G.D., Lette B., Andrews T.D., Driver J.C., Hall E., Hare P.G., Jass C.N., MacKay G., Southon J.R., Stiller M., Woywitka R., Suchard M.A., Shapiro B. Bison Phylogeography Constrains Dispersal and Viability of the Ice Free Corridor in Western Canada // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113. No. 29. P. 8057–8063.
- Kary J. The Concept of Geolinguistic Conservatism in Na-Dene Prehistory // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. 2010. Vol. 5. No. 1–2. P. 194–222.
- Kleivan I. Why Is the Raven Black? An Analysis of an Eskimo Myth. København: Munksgaard, 1971. 52 p.
- Kotlyakov C.M., Velichko A.A., Vasilyev S.A. (eds). *Human Colonization of Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenviron-*

- ment. London; San Diego; Cambridge; Oxford: Academic Press, 2017. 628 p.
- Kühne H. Der Jaguar im Zwillingsmythus der Chiriguano und deren Beziehung zu anderen Stämmen der Neuen Welt // Archiv für Völkerkunde. 1955. Bd. 10. S. 16–135.
- Kühne H. El jaguar en el mito de los héroes mellizos (sol y luna). Tribu amuesha (Perú Oriental) // Runa. 1967. Vol. 10. P. 311–318.
- Metraux A. Mitos y cuentos de los Indios Chiriguano // Revista del Museo de La Plata. 1932. Vol. 33. P. 119–184.
- Metraux A. Twin Heroes in South American Mythology // Journal of American Folklore. 1946. Vol. 59. P. 114–122.
- Powlison P.S. The Application of Propp's Functional Analysis to a Yagua Folk-tale // Journal of American Folklore. 1972. Vol. 85. No. 335. P. 3–20.
- Prates L., Politis G.G., Perez S.I. Rapid Radiation of Humans in South America after the Last Glacial Maximum: A Radiocarbon-based Study // PLoS One. 2020. Vol. 15. No. 7. Article e0236023. doi: 10.1371/journal.pone.0236023.
- Prufer K.M., Alsgaard A.V., Robinson M., Meredith C.R., Culleton B.J., Dennehy T., Magee S., Huckell B.B., Stemp W.J., Awe J.J., Capriles J.M., Kennett D.L. Linking Late Paleoindian Stone Tool Technologies and Populations in North, Central and South America // PLoS One. 2019. Vol. 14. No. 7. Article e0219812. doi: 10.1371/journal.pone.0219812.
- Steffen M.L. New Age Constraints for Human Entry into the Americas on the North Pacific Coast // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. No. 1. Article 4291. doi: 10.1038/s41598-024-54592-x.
- Richter Fr. Lithuanische Märchen // Zeitschrift für Volkskunde (Leipzig). 1889. Bd. 1. H. 9. S. 355–358.
- Sikora M. et al. The Population History of Northeastern Siberian since the Pleistocene // Nature. 2019. No. 570. P. 182–188. doi: 10.1038/s41586-019-1279-z.
- Smith G.M., Duke D., Jenkins D.L., Goebel T., Davis L.G., O'Grady P., Smith H.L. The Western Stemmed Tradition: Problems and Prospects in Paleoindian Archaeology in the Intermountain West // PaleoAmerica. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 23–42.
- Tello J.C. Wira Kocha // Inca. 1923. Vol. 1. No. 1. P. 93–320.
- Villar Córdova P.E. El mito "Wa-Kon y los Willka" // Revista del Museo Nacional. 1933. Vol. 2. No. 2. P. 161–179.
- Waters M.R., Stafford T.W., Carlson D.L. The Age of Clovis — 13,050 to 12,750 cal yr B.P. // Science Advances. 2020. Vol. 6. No. 43. doi: 10.1126/sciadv.aaz045.
- Wei L.-H., Wang L.-X., Wen S.-Q., Yan S., Canada R., Gurianov V., Huang Y.-Z., Mallick S., Biondo A., O'Leary A., Wang C.C., Lu Y., Zhang C., Jin L., Xu S., Li H. Paternal Origin of Paleo-Indians in Siberia: Insights from Y-chromosome Sequences // European Journal of Human Genetics. 2018. Vol. 25. P. 1687–1696. doi: 10.1038/s41431-018-0211-6.

The Vengeful Heroes, Forty Years Later

Yuri Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
berezkin1@gmail.com

The motive of heroes' revenge for the death of one of their parents is one of the most popular in the New World. Narratives based on it are absent only in the Arctic (among most of the Eskimos) and in the Subarctic (among the Athapaskans). In the rest of North and South America, the variants with revenge for the death of the father and the death of the mother are approximately equally widespread. In most of narratives recorded in the New World, the heroes are twin brothers, which is especially typical for stories that describe the death of the heroes' mother and most of all for the South American variants. In the Old World, texts with the motive of revenge for the death of the father are quite rare but distributed fairly evenly; the son-avenger is most often alone. "Revenge for the death of a mother" in Eurasia is found only in Tibet and in eastern Indonesia in the variant that I called "The Doe and She-Bear". The South American version of "The Vengeful Heroes", with its complex plot, is absent north of Guatemala and emerged after the peopling of the New World. The two main North American versions have separate parallels in the Old World. For the western United States, "The Doe and She-Bear" is typical with its closest parallels in eastern Indonesia. East of the Rockies, "Lodge-boy and Thrown-away" is common, with parallels in Siberia and Eastern Europe. These two versions were brought to the New World by different groups of migrants. The predominance of the female version of "The Vengeful Heroes" and twin brothers as its protagonists, characteristic of America, must reflect the distinctive features of Eurasian oral traditions at the time of the peopling of the New World. Though the Amerindian avenger narratives can be called "myths" while most of the Eurasian ones are fairy tales, both are adventure stories and share many similar episodes. Since such episodes are not scattered in the New World randomly but are recorded first of all on the Plains, their independent origin in America is unlikely. It means that ca. 15,000 cal. B.P. the adventure stories in the Old World already existed.

Keywords: comparative mythology, peopling of America, big data in humanities.

Acknowledgements

This article was written within the framework of the research project “Centers of the Ethno- and Culturogenesis and the Contact Zones in Eurasia and America in the Late Pleistocene and Holocene (physical anthropological, archaeological and ethnological data)”. I am grateful to E. N. Duvakin and E. V. Korovina for their constant help in my work.

References

- Azadovski M. K., ‘Istochniki skazok Pushkina’ [Sources of Pushkin Fairy Tales], *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad: USSR AS Press, 1936, p. 134–163. (In Russian).
- Baer G., Hertle G., ‘Zwei Matsigenka-Mythen, Versuch einer Analyse’, *Ethnologische Zeitschrift*, 1974, Bd. 1, S. 33–75.
- Beck C., Jones G. T., ‘Clovis and Western Stemmed: Population Migration and the Meeting of Two Technologies in the Intermountain West’, *American Antiquity*, 2010, vol. 75, no. 1, p. 81–116.
doi: 10.7183/0002-7316.75.1.81.
- Berezkin Yu. E., ‘Mify yuzhnoamerikanskikh indeitsev na syuzhet obryada initsiatsii’ [Myths of South American Indians Based on the Scheme of Initiation Rite], Putilov B. N. (ed.), *Folklor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov folklornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origins of Folklore Plots and Images]. Leningrad: Nauka, 1984, p. 6–15. (In Russian).
- Berezkin Yu., ‘Athabaskan — Siberian Folklore Links: In Search of Na-Dene Origins’, *Folklore* (London), 2019, vol. 130, no. 1, p. 31–47.
doi: 10.1080/0015587X.2018.1515208.
- Berezkin Yu. E., “Skazka o tsare Saltane” (syuzhet ATU 707) i yevraziysko-amerikanskiye paralleli’ [“The Tale of Tsar Saltan” (Tale Type ATU 707) and Eurasian-American parallels], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 43, p. 89–110. (In Russian).
doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-89-110.
- Berezkin Yu. E., ‘Afrikanskoe nasledie v mifologii’ [African Heritage in Mythology], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, p. 91–114. (In Russian).
doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-91-114.
- Berezkin Yu. E., ‘Kulturnyy kontinuum borealnoy zony Evrazii i vostochno-sibirskiy klin (po dannym sravnitel'noy mifologii i paleogenetiki)’ [Cultural Continuum of the Eurasian Boreal Zone and the Eastern Siberian Wedge (Based on Comparative Mythology and Paleogenetics)], *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii*, 2022, vol. 50, no. 2, p. 29–40. (In Russian). doi: 10.17746/1563-0102.2022.50.2.028-040.
- Berezkin Yu. E., ‘Olenikha i medveditsa: maloizvestnyy folklorny syuzhet’ [The Doe and She-bear: A Little-known Folklore Tale], *Shagi / Steps*, 2023, vol. 9, no. 3, p. 12–29. (In Russian).
- Berezkin Yu. E., ‘Paleoindeiskiy, vostochnoaziatskiy i sibirskiy komponenty ustnykh traditsiy eskimosov’ [Paleoindian, East Asian and Siberian Components of the Eskimo Oral Traditions], *Camera praehistorica*, 2024, no. 2 (13), p. 8–23. (In Russian).

- Berezkin Yu. E., 'Severo-zapadnoe poberezhye Severnoy Ameriki kak osnovnoy put iz Beringii v Novyy Svet' [The Northwest Coast of North America as the Main Route from Beringia to the New World: The Evidence of Mythology], *Arkhеologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii*, 2025, vol. 53, no. 2, p. 115–125. (In Russian).
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N., *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskiy katalog* [The Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution]. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>>.
- Boas F., *Race, Language, and Culture*. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 1940, 647 p.
- Boulanger M. T., Buchanan B., O'Brien M. J., Redmond B. G., Glascock M. D., Eren M. I., 'Neutron Activation Analysis of 12,900-year-old Stone Artifacts Confirms 450–510+ km Clovis Tool-stone Acquisition at Paleo Crossing (33ME274), Northeast Ohio, U.S.A.', *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 53, p. 550–558. doi: 10.1016/j.jas.2014.11.005.
- Carneiro R. L., 'To the Village of the Jaguars: The Master Myth of the Upper Xingu', *Antropológica* (Caracas), 1989, vol. 72, p. 3–40.
- Davis L. G., Madsen D. B., Sisson D. A., Valdivia-Becerra L., Higham T., Stueber D., Bean D. W., Nyers A. J., Carroll A., Ryder C., Sponheimer M., Izuho M., Iizuka F., Li G., Epps C. W., Halford F. K., 'Dating of a Large Tool Assemblage at the Cooper's Ferry Site (Idaho, USA) to ~15,785 cal yr B.P. Extends the Age of Stemmed Points in the America', *Science Advances*, 2022, vol. 8, no. 51. doi: 10.1126/sciadv.ade1248.
- Ehrenreich P., *Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt*. Berlin: von Asker, 1905, 107 S.
- Goeje C. H., *Philosophy, Initiation and Myths of the Indians of Guiana and Adjacent Countries*. Leiden: Brill, 1943, 136 p.
- Heintzman P. D., Froese D., Ives J. W., Soares A., Zazula G. D., Lette B., Andrews T. D., Driver J. C., Hall E., Hare P. G., Jass C. N., MacKay G., Southon J. R., Stiller M., Woywitka R., Suchard M. A., Shapiro B., 'Bison Phylogeography Constrains Dispersal and Viability of the Ice Free Corridor in Western Canada', *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016, vol. 113, no. 29, p. 8057–8063.
- Kary J., 'The Concept of Geolinguistic Conservatism in Na-Dene Prehistory', *Anthropological Papers of the University of Alaska*, 2010, vol. 5, no. 1–2, p. 194–222.
- Kleivan I., *Why Is the Raven Black? An Analysis of an Eskimo Myth*. København: Munksgaard, 1971, 52 p.
- Kotlyakov C. M., Velichko A. A., Vasilyev S. A. (eds), *Human Colonization of Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*. London; San Diego; Cambridge; Oxford: Academic Press, 2017, 628 p.
- Kozintsev A. G., 'Osnovnye napravleniya populyatsionnoy dinamiki v severnoy Evrazii ot mezolita do epokhi ranney bronzy (po dannym kraniologii i genetiki)' [Main Directions of Population Dynamics in

- Northern Eurasia from the Mesolithic to the Early Bronze Age (Based on Craniology and Genetics)], *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii*, 2021, no. 4 (32), p. 143–157. (In Russian).
- Kühne H., 'Der Jaguar im Zwillingsmythus der Chiriguano und deren Beziehung zu anderen Stämmen der Neuen Welt', *Archiv für Völkerkunde*, 1955, Bd. 10, S. 16–135.
- Kühne H., 'El jaguar en el mito de los héroes mellizos (sol y luna). Tribu amuesha (Perú Oriental)', *Runa*, 1967, vol. 10, p. 311–318.
- Metraux A., 'Mitos y cuentos de los Índios Chiriguano', *Revista del Museo de La Plata*, 1932, vol. 33, p. 119–184.
- Metraux A., 'Twin Heroes in South American Mythology', *Journal of American Folklore*, 1946, vol. 59, p. 114–122.
- Pitulko V. V., *Rasseleniye i adaptatsiya drevnego naseleniya Vostochno-Sibirskoy Arktiki v pozdnem pleistotsene — rannem golotsene* [Dispersion and Adaptation of the Population of the Eastern Siberian Arctic in Late Pleistocene — Early Holocene]: D. Sc. (History) Dissertation. St Petersburg, 2022. (In Russian).
- Powlison P. S., 'The Application of Propp's Functional Analysis to a Yagua Folktales', *Journal of American Folklore*, 1972, vol. 85, no. 335, p. 3–20.
- Prates L., Politis G. G., Perez S. I., 'Rapid Radiation of Humans in South America after the Last Glacial Maximum: A Radiocarbon-based Study', *PloS One*, 2020, vol. 15, no. 7, article e0236023. doi: 10.1371/journal.pone.0236023.
- Prufer K. M., Alsgaard A. V., Robinson M., Meredith C. R., Culleton B. J., Denny T., Magee S., Huckell B. B., Stemp W. J., Awe J. J., Capriles J. M., Kennett D. L., 'Linking Late Paleoindian Stone Tool Technologies and Populations in North, Central and South America', *PLoS One*, 2019, vol. 14, no. 7, article e0219812. doi: 10.1371/journal.pone.0219812.
- Steffen M. L., 'New Age Constraints for Human Entry into the Americas on the North Pacific Coast', *Scientific Reports*, 2024, vol. 14, no. 1, article 4291. doi: 10.1038/s41598-024-54592-x.
- Richter Fr., 'Lithuanische Märchen', *Zeitschrift für Volkskunde* (Leipzig), 1889, Bd. 1, H. 9, S. 355–358.
- Sikora M. et al., 'The Population History of Northeastern Siberian since the Pleistocene', *Nature*, 2019, no. 570, p. 182–188. doi: 10.1038/s41586-019-1279-z.
- Smith G. M., Duke D., Jenkins D. L., Goebel T., Davis L. G., O'Grady P., Smith H. L., 'The Western Stemmed Tradition: Problems and Prospects in Paleoindian Archaeology in the Intermountain West', *PaleoAmerica*, 2020, vol. 6, no. 1, p. 23–42.
- Tello J. C., 'Wira Kocha', *Inca*, 1923, vol. 1, no. 1, p. 93–320.
- Vasilyev S. A., Berezkin Y. E., Kozintsev A. G., Peiros I. I., Slobodin S. B., Tabarev A. N., *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Peopling of the New World: A Multidisciplinary Study]. St Petersburg: Nestor-Istoria, 680 p. (In Russian).
- Villar Córdova P. E., 'El mito "Wa-Kon y los Willka"', *Revista del Museo Nacional*, 1933, vol. 2, no. 2, p. 161–179.

- Waters M. R., Stafford T. W., Carlson D. L., 'The Age of Clovis — 13,050 to 12,750 cal yr B.P.', *Science Advances*, 2020, vol. 6, no. 43. doi: 10.1126/sciadv.aaz045.
- Wei L.-H., Wang L.-X., Wen S.-Q., Yan S., Canada R., Gurianov V., Huang Y.-Z., Mallick S., Biondo A., O'Leary A., Wang C. C., Lu Y., Zhang C., Jin L., Xu S., Li H., 'Paternal Origin of Paleo-Indians in Siberia: Insights from Y-chromosome Sequences', *European Journal of Human Genetics*, 2018, vol. 25, p. 1687–1696. doi: 10.1038/s41431-018-0211-6.